

Не знаю точно, по окончании какого школьного года, пятого или седьмого, явился ко мне этот ошеломительный сон, но отчётливо помню, что случилось всё в период счастливого детско-го безвременья, когда ранней весной я вместе с родителями жила на скромной даче в глухом таёжном поселке.

Сколько времени уткло, а зыбкое ночное происшествие всё хранится в копилке самых сильных, как говорят, неизгладимых, жизненных впечатлений!..

Снилось мне, что я превратилась в изящную золотую птицу, несколько похожую на журавля, с гибкой длинной шеей, тонкими ногами и сильным клювом. Мои крылья и хвост, опушённые ланцетовидными перьями, мерно колыхались даже при небольшом дуновении ветра, а позади янтарных глаз задорно торчали белоснежные пучки, напоминающие пушистые серёжки.

Я летала высоко-высоко, в тёмной и таинственной глубине космоса, там, где слиты величественная тишина и покой ночи, где мреют голубые, молочно-белые, жёлтые, апельсиновые и алые кристаллы звёзд. А когда легонько касалась их крылом, на Землю падали невесомые блёстки, замирающие на спящей траве крохотными светлячками.

Как радостно и беззаботно, свободно и легко! Я была переполнена безграничной энергией: то

тянула какую-то культовую повозку, то, выскользнув из плена лёгких кожаных ремней, сопровождала небесную колесницу, то, купаясь в свежести вселенской прохлады, выделявала невообразимые кульбиты и пируэты, звонко курлыкала и не боялась никого потревожить. Я наслаждалась небом, спокойствием и силой движений, милым сердцу одиночеством и другим, неизвестным прежде, чувством – жадной вкушения беспредельного неизмеримого мира. Я жила полётом, и каждая клетка принадлежала мировым стихиям – небесной и земной, водной и запредельной...

Лишь наступающий рассвет мог прервать мой счастливый полёт. И тогда, тихо и плавно кружа, опускалась на Землю. Безошибочно держала курс на старое многоствольное дерево, растущее на покосе в нескольких метрах от дачного домика. Уютно устраивалась под его корнями, во влажной ямке с целебной болотной водой. Это был мой дом и извечный приют. Свернувшись калачиком, накрывшись крыльями, я засыпала сладким младенческим сном.

Голубовато-серая вода постепенно обволакивала меня, и я уходила под её слои всё глубже и глубже. Изгибы птичьего тела срастались с древесными корнями, а золотые легчайшие перья превращались в палый прошлогодний лист. Дерево и вода плавно качали своё дитя, обещая новые ночные полёты...

Помню, в то утро я проснулась встревоженной, но невероятно бодрой и освежённой, с ощущением фантастической радости и вышедшего из берегов счастья. Утренние лучи оптимистично трубили подъём, а из распахнутых настежь окон сочился призывный горьковатый запах – смешение талой воды и ожившего весеннего тальника! Этот аромат плыл через открытое окно и наполнял каждый уголок комнаты ожиданием чуда. Он струился сквозь меня, удивлённую и ещё до конца не осознавшую: в чьём же теле очнулась душа? Вспомнив подробности ночного приключения, я пошла на зов тальника. Мне безумно хотелось узнать: сохранила ли водная колыбель следы невероятных превращений?

Сунув голые ноги в резиновые мамины сапоги, наскоро накинув брезентовую штормовку, прямо в ночной сорочке выскочила на крыльцо.

Какая благодать кругом! Запахи перетекают друг в друга какими-то дивными волнами! Буйствуют таёжные травы и цветы, вдосталь напоённые талыми водами, соперничают красками и формами и тянутся-рвутся к небу, сплетаясь в один грандиозный пёстрый и плотный ковёр! Грызник полевой, вероника, куриная слепота, зюзник европейский, калужница, кровохлёбка, прострел, болотный молочай, мать-и-мачеха, череда, огонёк, кандык – колдовские и врачующие самим сочетанием звуков названия растений приходят на ум как вековая тайна, как забытый рецепт величественного и всесильного лекаря, заговорившего на древнем отмирающем языке. За каждым ростком – своя легенда, были и небылицы, чудесные истории исцелённых недугов. Пройдёт немного времени, и я, приобщённая к зелёной аптеке, без труда смогу распознать и суховатые прочные стебли сибирского бамбука – полевого хвоща, и нахальное соцветие айра, и грязно-белые зонтики горчичника, и лихо закрученную чёлку лилии-саранки, и розовую кисточку болотной травы читец, которая всегда радостно раскидывает навстречу руки-листья, словно призывает: «Сорви меня!».

Хлюпая по болотцу, то и дело вжикая голенищами об осоку, я устремляюсь к заветной ямке под деревом. Что это было со мной: явь, видение, мечта тоскующего сердца? Или предсказание, неиспробованная доселе возможность? А если так, то должны, обязательно должны сохраниться в ничем не примечательном местечке какие-то важные знаки.

На покосе воздух был буквально напоён тальниковым ароматом. Он щекотал ноздри, пьянил, завораживал, питал каждую клетку и манил под крону представительницы доледниковых растений из старейшего влаголюбивого рода Саликс.

Высокое, метров около тридцати, с запутанными и разветвлёнными, как рога оленя, ветками, дерево одиноко возвышалось прямо у подножия косогора. Не знаю, сколько лет жило оно здесь, на брошенных почвах, среди болотных трав и луговых цветов. Но гадать о его возрасте было так же приятно, как читать легенды о всесильных богах и непобедимых героях. Я была уверена, что взросло оно в тот момент, когда могущественная богиня Медб положила свой кнут на заветное место. Волею судеб тальниковому созданию было уготовано справляться с суровым климатом Сибири, постигать её мудрость и щедрость, мощь и духовность. Ему предстояло стать пионером глинистых и влажных таёжных земель, детищем, достойным древесных праотцов, что простирали обширные владения от арктической тундры до тропиков, от морского побережья до альпийских гор.

Многочисленные ивовые стволы, которые уже не могли обхватить детские ладони, росли стройными стойкими солдатами, а когда засыхали, с треском и уханьем, будто поражённые в бою, обрушивались к корням – извилистым мыслям-лабиринтам. По ним, причудливо извивающимся в спирали, узлы и косы, не имеющим ни начала, ни конца, да ещё по трещиноватой серой коре, можно было читать книгу сокровенной древесной жизни. На каждой её странице разворачивалось грандиозное непрерывное путешествие растительных соков, тянущих нить жизни из глубин и провалов преисподней через земную твердь к облакам. Любая глава этой книги повествовала об извечной борьбе с увяданием и смертью, о неизбежном и жестоком противостоянии сменам времён года.

Несмотря на солидный возраст, дерево находилось в той поре весеннего великолепия, которое с лёгкостью вдохновляет художников и поэтов. Тонкие молодые ветви сплетались в обширный шатёр. Сероватые цветочные серёжки, подёрнутые жёлтым пушком, при малейшем дуновении ветерка развевались вместе с новорождёнными удлинёнными листьями. Эту красоту хотелось обожествлять, ей хотелось поклоняться, именовать самыми заветными,

ласковыми и звучными именами: ива, ивушка, ветла, раковый кусточек, ракета, лоза, лозина, верба, бредина, шелюга, тальник, ракитина... Тальничина!

Да, тальничина! Гордая, великолепная и таинственная, приветливая и по-матерински мудрая, заботливая и терпеливая, принадлежащая всем и только мне. Моя тальничина!

Я чувствовала с деревом кровную связь, знала, что наш исток – у одного корня, что по моим жилам тоже мерно текут жизнерадостные тальниковые соки, и вслед за легендарными предками, свято верившими в божественную сущность растений, желала именоваться дочерью тальничины.

Как хотелось обнять свою мать, прижаться щекой к сухой, изрытой морщинами коре, кое-где обхваченной желтовато-голубым мелким лишайником и упругими волнистыми юбочками грибов-трутовиков! А потом, плотно прильнув к самому толстому стволу, запрокинув голову, наблюдать, как сквозь солнечную листву поблёскивают крохотные осколки неба!..

Загадка сна мучила меня, но я терпеливо ждала от дерева и воды какого-то предсказания, знака. Тихонько приблизилась к краю водоёма. Главное – не спугнуть, не потревожить сон волшебной птицы! И тогда, на самом дне, может, удастся различить грациозный силуэт и золотое оперение с озорными серёжками...

Ямка под тальничинной была до краёв наполнена мутной водой. Это трудились весенние ключи, несколько дней не перестававшие бурлить из косогора. Они переполнили ямку настолько, что всё лилось через край. Воды болотца превратились в маленькое озерцо, в неиссякаемую природную чашу.

Ой, что это возле неё? Чей-то небольшой следок, словно круглое копытце. Не из него ли испил водицы неслухник – братец Иванушка? Нет, совсем не то, не моя сказка!

Я пыталась получше рассмотреть дно водоёма, но, кроме искажённого отражения, ничего не заметила: тальниковая вода была серо-голубой и до того непрозрачной, что её нельзя было пробить ни взглядом, ни лучом света. Не грязной, не мутной, а именно плотной. Таким может быть разве что... молоко! Да-да, растительное молоко, рождённое тальниковым деревом, подземными ключами и голубой болотной глиной, пласты которой перемежаются ржавыми многолетними прослойками. «Этим

молоком, наверно, питается стремительная чудо-птица, – подумала я. – Оно дарит ей силы и радость полёта».

Присев на корточки, зачерпнула в ладони мягкую прохладу, умылась, ощутив горьковатый запах тальниковой коры, и словно прозрела: на глади воды, по всему краю ямки, колыхались, зацепившись за щетинки осоки, коричнево-чёрные прошлогодние листья – всё, что осталось от скачкового оперения!

Как же я сразу не догадалась?! Значит, это была правда! Моя крылатая сущность мирно спит здесь, под водой! Только не хочет открывать свою тайну. Мать-тальничина согласно кивала в такт моим мыслям и ветру. Она узнавала меня, крылатую ночную путешественницу, даже в другом облике.

Во внутреннем кармане брезентухи застряла монетка: очень кстати! Я опустила её в болотную воду и загадала много новых встреч, во сне и наяву, с золотой птицей, с самой собой, со старым деревом и ямкой на болотце, такими далёкими и близкими, до боли знакомыми с малолетства...

Мне всегда было увлекательно замечать, как меняется тальниковый водоём в разные времена года. Зимой, занесённый высокими сугробами, вовсе не даёт о себе знать, пребывая в медвежьей спячке. С весенними ручьями и нудными дождями осени вдруг выходит из берегов, расплёскивая водные богатства и на болотце, и на тропинку, проторённую по покосу. В июльский зной внезапно иссыхает до мелкой, с глубокими трещинами лужицы, сквозь которую настырно пробиваются тонкие и острые поросли осоки. Ветры постоянно заваливают его ветками и опавшей листвой. Солнце обнажает причудливые корневые горельефы на невысоких бережках. Но он смиренно и стойко держится, сохраняет рвение к жизни; как и мудрая тальничина, несёт для страждущих чудесные капли растительного молока.

Я любила увязаться с отцом на покос, чтобы проверить: как там поживает крохотный прудик? Папа ловко черпал оцинкованным ведром воду для хозяйственных нужд – полива огорода, мытья посуды и пола. А я слушала вековечный шелест листвы, освежала лицо растительным молоком, жадно втягивала пьянящий запах коры и изучала болотных обитателей.

Как приятно играть с шелковистой тальниковой водой, ловить убегающих потешных голова-

стиков, выуживать руками, словно рыбацким подсачеком, длинные почерневшие ивовые листья и податливые, как русалочки волосы, травы!

Окунешь, бывало, руки по самые локти в бодрящую свежесть, и сразу бросятся врассыпную, как дворовые мальчишки, очень пугливые чёрные точки-жучки. Спешно заскользят на другой бережок хрупкие конструкции водомерок. Предусмотрительно опустятся в глубину маленькими субмаринами жуки-плавунцы. И только улитки никуда не будут торопиться: прилипнув к травинкам, так и останутся грузно нависать над водой, выпячивая из мельчайших и крупных домиков липкую гофрированную мякоть да две пары любопытных рожек.

Мне не терпится разглядеть улиток поближе! Беру в руки самую крупную и красивую: цвет её раковины кремово-перламутровый, напоминающий топленое молоко. Улитка тотчас прячется, тревожно застывает. Но я, будто знаменитый факир, начинаю произносить магическое заклинание: «Улитка-улитка, высунь рожки, дам тебе ракушек на лепёшки!» Подношу спиральный домик всё ближе к губам, настойчиво вызывая его жилицу: «Улитка-улитка, высунь рога, дам тебе ракушек для пирога!». И моллюск наивно верит моим обещаниям: вот задвигались где-то внутри скользкие нежные ткани, постепенно развернулось и стало перетекать из раковины на ладонь бархатисто-студенистое тело. И наконец, вот она! Во всей красе, ничего не страшась, демонстрирует себя мне и миру! Смущена и удивлённо вопрошает малюсенькими глазами-шариками: «Ну, и где твои обещанные ракушки?».

Не знаю, кто выкопал водоём прямо под ивовым шатром – природа или человек, но всем он пришёлся по душе и по вкусу. И каждый был вправе считать его своим домом: и я, и чудо-птица, и жуки с улитками. И даже усатые галлицы, откровенно подтачивающие ствол старой тальничины, опутывающие её мягкой паутиной коконов и «взрачивающие» на ветвях зелёные розы, а под корой – сложносочинённые камеры с жёлтыми личинками.

С самого утра дерево и его водный источник находились в круговороте будничных дел и событий.

Вот полакомиться целебной водой прилетели сороки-белобоки. Сядет одна стрекотунья на краешке ямки, наберёт в клюв воды и будто пробует-смакует. А её подружка – рядом ждёт, голо-

вой крутит. Потом, охмелев от растительного молока, первая взмахнёт крыльями и – прыг! – на ближайшую веточку! Теперь другая приступает к дегустации. Попьёт, немного посидит, головой повертит, потом вновь вкушает болотную воду. А когда обе насытятся, встанут на крыло и с развесёлым треском несут по всему лесу: «Тра-та-та! Тра-та-та-та-та! Хороша-а-а-а тальнико-о-овая вода-а-а-а!».

В знойный полдень танцуют над сонной гладью утомлённые комарики, зудят надоедливые мухи; со злостью, прорезая воздух, проносятся коварные, обжигающие оводы и слепни.

Вечером, почуяв приближение ночной охоты, словно отзываясь на призыв влаги и свежести, из-под мясистого листа бадана выползает размлевшая от солнца жаба. Наверно, ей уже стукнуло все сорок, настолько древней она кажется. Во всяком случае, живёт она у болотца очень давно и, возможно, привыкла к людям, как и мы к ней. Она выросла в своё обиталище, в его жирные хляби с ряской и голубой глиной, в ржавые плёнки на застоявшейся, пахнущей сероводородом воде.

Неопытный взгляд легко бы мог спутать болотную хозяйку с камнем или комком засохшей грязи, настолько землистой выглядит её серобурая шкурка с терракотовым отливом. Неужели такую вот кожу сбрасывали с себя жабы предки, превращаясь в премудрых красавиц? Помнит ли наша жаба об этом? Знает ли заветное заклинание?

Я всегда думала, что жабыя шкурка суха и шершава, но проверить это не смела, боялась жестоко поплатиться за своё любопытство. На руках, говорила мама, сразу же появятся уродливые бородавки, некрасивые пятна и хуже того – вьедливые шипицы. А уж их-то даже чистотелом не выведешь! Позднее, на уроках зоологии, я узнала, что у жаб, оказывается, есть специальные железы, выделяющие небольшое количество яда. И хотя эти токсичные капельки считаются безопасными для человека, я была просто убеждена, что именно они сеют гадкие наросты!

Земноводное, как бы лениво переваливаясь, осторожно «вышагивает» по покосу к тальниковой ямке. Наверно, идёт проверить своё многочисленное потомство, барахтающееся в зарослях рогоза. Или будет ужинать у воды? Там много моллюсков, насекомых и их личинок! Хорошо, что у жабы такой здоровый аппетит! Её клейкий

язык и толстое брюхо продляют жизнь моей тальничине.

Я пристально слежу за заколдованной царевной и тихонько следую за ней. В висках стучится родительский запрет: тревожить жабу нельзя! Но меня так и подмывает провести веточкой по бугристой спинке! Острое желание пересиливает, и я, озираясь, крадусь на цыпочках к противной и такой манящей жабе...

Издали приметив моё неестественное, подчёркнуто осторожное поведение, дворовый Бутька с лаем бросается на покос. Живой комок замирает. А когда вездесущий мокрый нос почти вплотную приближается к ней, обескураженная, начинает прыгать, унося от греха подальше и ноги, и широкое приземистое тело.

В ночную пору, когда местность озарится серебристым светом, приступят к концертной стрелкот-программе у тальникового водоёма сотни кузнечиков. Ловко орудуя лапками, они возьмут

столь высокие ноты, что позавидует любой виртуоз. Изредка ухнет и вновь замолкнет тётушка-сова. Бесшумными тенями прошмыгнут и запутаются в лабиринтах ивовых побегов летучие мыши. А мать всех живых существ – священная тальничина – будет приветливо кивать ветвями, доброжелательно встречать гостей и терпеливо ждать возвращения блудной дочери в любом её обличье...

Я знаю, что однажды ускользну из городских кварталов в страну крылатых воспоминаний и снов. И по закону открытой кем-то мировой спирали монетка сработает, и всё возвратится: и золотой журавлик детства, и запах таёжной весны, и отец с полным ведром голубоватого растительного молока, и мерный шум тальничины у косогора.

Я верю: всё так и будет!..

Новокузнецк – Белокуриха – Новокузнецк, 2015

